

АНАТОЛИЙ ГАЛКИН

КОРОНА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ВИЛЛА
«ИКАР»

Анатолий Галкин

Корона Российской империи

Серия «Вилла «Икар»»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2316715

Аннотация

Ожидается визит королевы Нидерландов. Она должна передать нашему Президенту российскую корону, вывезенную в смутные времена. Это хорошо! Но корона, приехавшая с голландской выставкой, исчезла из музея. Ее банально украли!

«Вилла Икар», группа для особых поручений начинает расследование. Майор Паша Муромцев знает, что реликвию надо найти до возникновения международного скандала... Сотрудники «Виллы» работают по всем направлениям. Приходится даже устраивать побег рецидивисту, который знает заказчика кражи.

А в это время корону примеряет молоденькая жена олигарха. Муж сделал ей подарок!.. Эти люди думают, что им всё можно! У кого больше денег, тот и прав?

Группа Муромцева вовремя находит корону. Кажется, что тайна сохранена!.. Но перед убийством Королева вызывает Муромцева и награждает высшим орденом!.. А это значит, что и их спецслужбы неплохо работают.

Содержание

1	4
2	11
3	15
4	22
5	27
6	30
7	34
8	41
9	45
10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анатолий Галкин

Корона Российской империи

1

Старенькая черная «Волга» въехала в распахнутые ворота, обогнула круглую клумбу и остановилась у массивных дверей особняка.

Из машины вышел очень невзрачный человек небольшого роста. Он сказал что-то шоферу и стал подниматься по мраморной лестнице. Все действия коротышки были неторопливы и величественны. Он не шел, а плыл, расправляя плечи, как горный орел.

Семену Мамлееву было уже сорок с хвостиком, но никто не сообщил ему, что у него комплекс Наполеона. Это не болезнь, а маленький сдвиг по фазе. Такой заскок бывает у низеньких мужиков, которые страдают из-за своего роста, но при этом имеют имперские амбиции.

Месяц назад Семен Петрович начал быстро расти в своих глазах – ему вдруг дали машину с водителем, провели срочный ремонт в его особняке и резко усилили охрану.

В центре Москвы тысячи подобных особняков. Но для предстоящего торжества этот дом подошел по всем параметрам. Его одобрили сразу три чиновника из Кремля и группа придворных от королевы Нидерландов.

Дом в три этажа уютно примостился в одном из переулков у Садового кольца. Это был не очень популярный музей с пустующими залами. Здесь выставлялась всякая восточная экзотика и народные промыслы стран Африки и Австралии вместе взятых.

Само здание было в стиле модерн. Это такие гнутые завитушки на окнах и балконах, а еще крепостные башенки с флажками на шпилях... Просто красавец дом! Именно в такой не стыдно привезти королеву для совершения исторического акта.

Директор музея Семен Мамлеев миновал вторую зону охраны и подошел к своему кабинету... За последний месяц ему разрешили увеличить штат на шесть единиц. И вот уже три дня под его начальством работала новенькая – Екатерина Вайс... Просто потрясающая девушка!

В ходе первой беседы Катя произвела такое впечатление, что директор назначил ее на должность старшего научного сотрудника. Обычно этот чин музейные дамы получали лишь к пенсии. Но кареглазая девушка Вайс просто приворожила директора. У нее было специфическое утонченное лицо, как в старых полотнах на библейские темы. А еще она

передвигалась с восточной грацией – как бы слегка танцуя танец живота и других частей тела.

Катюша была человеком не местным. Она в Самаре закончила исторический факультет и там делала первые попытки найти свое счастье... Полный облом!

Как-то она собралась и приехала в Москву...

Выполняя указание руководства, Катя Вайс ждала директора у дверей его кабинета.

– Заходите, Катюша... Сегодня у нас с вами сложный день. Я всегда волнуюсь, когда готовлю визиты королевских особ.

– Ой, Семен Петрович, а вы и раньше королев принимали?

– Бывали случаи... Но эта, которая из Голландии, не самый сложный вариант. Про нее говорят, что она не очень привередливая... Но не в ней самая дело. Они тут драгоценностей привезли на миллионы – треть Москвы на эти деньги можно скупить... Ты ощущаешь ответственность?

– Ощущаю!

– Сейчас пойдем с тобой в каминный зал. Там запремся и весь день будем инвентаризацией заниматься... Только двое. Только ты и я.

– Спасибо за доверие, Семен Петрович... Я так волнуюсь. Или от радости, или еще от чего...

Каминный или парадный зал особняка был огромен. Почти такой, как в первом балу Наташи Ростовой... Шесть окон и три люстры. А еще вполне сносный паркет и потолок с лепниной из греческой жизни – летающие дамы в коротеньких накидках и совсем голые Купидоны со стрелами.

Все это великолепие быстренько подкрасили и оборудовали под выставку ценностей голландского королевского дома. Со вчерашнего дня вдоль стен встала дюжина стальных шкафов с бронированными стеклами. И в них все блестело и переливалось.

Понятно, что здесь были не только бриллианты и всякие сапфиры, а и сервизы, шкатулки и даже шляпка с перьями.

Но главное, из-за чего весь этот сыр-бор, было совсем в другом. Основная фишка – корона нашей Елизаветы. Не основная, не императорская, но страшно ценная!

Так вот – корона в годы октябрьской смуты оказалась в Нидерландах, а теперь добрые люди решили вернуть реликвию в Россию... Раз у вас теперь демократия – то получите корону назад!

Через недельку прибудет к нам их голландское Величество и здесь в каминном зале передаст царский головной убор самому главному... Или Президенту, или Патриарху. В крайнем случае – Спикеру.

Перед входом в зал прогуливались два добрых молодца в зеленых комбинезонах. Это третий рубеж охраны... Ре-

бятя давно знали директора в лицо, но его документы проверили тщательно. А Екатерину – так ту прямо ощупали глазами с ног до головы! Просто неприличная бдительность...

До визита королевы оставалось чуть больше недели, и директор решил, что ежедневно будет просматривать все введенные ему ценности. Не мимоходом и не спустя рукава! Аккуратно, пересчитывая каждый камушек в каждом браслете.

Они заперлись в зале, и у Семена Мамлеева все внутри задрожало. В свои сорок лет он еще не был ни разу женат. Случайные связи у него случались, но редко, от случая к случаю. И все это бывало как-то в суматохе, без поэзии и любовного трепета.

А вот сейчас трепет был... Некоторые экспонаты располагались на уровне пояса, и Кате приходилось наклоняться к витрине, сверяя вещь с переводом из голландского списка.

Семен ходил сзади и напрочь забыл о королевских безделушках. Он отступил от Екатерины на три шага и вглядывался в волну ее черных волос, в изгибы талии, в плечи и прочие округлости.

Корона Елизаветы располагалась не в сейфах со стеклом. Для нее в центре зала наши умельцы построили тумбу со стеклянным колпаком. Все это сооружение было опечатано и подключено к сигнализации, выходящей на пульт охраны. Так получалось, что научный сотрудник Вайс и директор

Мамлеев все время двигались задом к тумбе, где корона лежит... Через час они достигли этой точки, но так и не обернулись на стеклянный колпак.

Случилось другое – в какой-то момент Семен осмелел и слегка придержал Катюшу за талию. Она встрепенулась, развернулась и выпрямилась.

Девушка с немецкой фамилией Вайс смотрела на него сверху вниз, но без всякого гнева... А в его взгляде была робость, просьба и даже мольба.

Катя дерзко наклонилась и поцеловала своего шефа в щеку. Потом в другую. Затем между щек – в самые губы...

Семен Петрович сразу опьянел, сделал три шага назад и спиной уперся в тумбу. Екатерина смотрела на него игриво, а сама быстро считала варианты дальнейших действий... Музейные работники – это интеллигенция. Они живут, как пауки в банке! Кому охота, чтоб тебя сожрали сослуживцы уже в первые дни.

Вайс посмотрела на директора томным взглядом скромной девушки, на которую вдруг нашло наваждение...

Если бы Мамлеев имел нормальный рост, он бы своей головой закрывал стеклянный колпак на тумбе. А так Катя увидела – над его редкими волосенками подсвечивалась бархатная подушечка. А на ней – пустота! Корона исчезла!

Взгляд Екатерины изменился за мгновение. Сама она не кричала, а глаза вопили благим матом!

И Семен вдруг понял, что девушка смотрит не на его гу-

бы, не на нос, не на лоб, а несколько выше... Он оглянулся, замер, и его голосовые связки сами произнесли несколько слов, которые порядочный мужчина никогда не скажет при женщине...

2

В кабинете находилось несколько человек и муха, которая назойливо летала из угла в угол. Люди сидели тихо и никто даже не пытался прогнать зловредное насекомое или прихлопнуть его газетой.

Все сидели на краю своих кресел, готовясь вскочить при появлении генерала.

Всю бригаду Муромцева вызвали сигналом «Тайфун». Это означало, что каждый должен бросить любое свое дело и стремглав бежать сюда – на виллу «Икар», в коттедж за северной окраиной Южного Бутова.

Уже здесь в своем кабинете полковник Потемкин сообщил всем, что с минуты на минуту ожидается прибытие самого генерала Вершкова. Это тот, который их куратор из Кремля. Тот, от которого все зависит.

Майор Паша Муромцев на данный момент имел всего троих подчиненных. Они были хороши уже тем, что все разного возраста, различного пола и с неоднозначными способностями. У кого-то была сила в мышцах, у кого-то в мозгах, а один деятель предпочитал хитрость и сноровку.

Еще со школьных времен Павел привык давать людям клички. И часто из области зоологии... Вот полковник Потемкин напоминал ему козлика. Постоянная суетливость,

доброта и покорность в глазах, а, главное – вечный страх перед начальством, которое готово сожрать вместе с рожками да ножками!

Генерал Тимур Вершков влетел в кабинет, как Чапаев в ряды наступающих беляков. Не хватало только бурки. Да и коня под ним не было...

Все вскочили, а Потемкин попытался доложить обстановку – не удалось! Тимур Аркадьевич мигом пресек это безобразие:

– Садитесь все! Некогда ляды точить... Вам поручается срочное дело чрезвычайной важности. Для таких заданий мы вас и создавали. На то вы и Служба особого назначения...

Прежде чем приступить к сути срочного дела куратор пять минут говорил об общих вопросах. Он усиливал ответственность, сообщал о сложностях мировой политики, о колебании цен на нефть... Было видно, что в свое время Вершков учился на политработника.

До этого Паша Муромцев всего три раза общался с генералом. Тимур Аркадьевич сразу напомнил ему жирафа. Возможно, из-за высокой фамилии. Возможно, из-за высокой должности. Но, скорее всего, из-за монотонности движений и взгляда – куратор на всех остальных смотрел с пятиметровой высоты...

Наконец генерал начал грустную песню о главном:

– Этой ночью негодяи украли корону Елизаветы... А ров-

но через неделю королева Голландии собиралась вернуть эту вещицу России. Более того – ее Величество должно вручить корону самому!

На последнем слове Вершков протянул руку вверх и так выразительно посмотрел на потолок, что все в кабинете встали и глянули туда, где чернела дырка от бывшей люстры.

– Нам не нужен мировой скандал! И так все знают, что в России поголовное воровство. Но чтоб корону увести из-под носа Президента – ни в какие ворота не лезет! Ни в звезду, ни в Красную армию! И если кто узнает – вселенский позор на нашу голову...

Генерал сделал минутную паузу, во время которой все осознали важность задачи.

– Вам предстоит в считанные дни найти изделие и вернуть его на место... Голландцы пока не знают о нашей беде. Не в курсе и сотрудники музея, включая охрану. В теме только двое – директор Мамлеев и его научная сотрудница со странной фамилией Вайс... Начинайте работать немедленно! Счет идет не на дни, не на часы, а на минуты. Даже возможно – на секунды... Операция срочная, но очень секретная. Никому ни слова о короне.

Вершков дал отмашку, и все вскочили со своих мест. Вскочили и бросились к машинам. Музей-то в центре, а выехать из Южного Бутова не так просто – наверняка у Кольцевой дороги в пробку вляпаешься.

Умники из кремлевских коридоров лишь федеральные

структуры Службы Особого Назначения разместили на Солянке. А боевое ядро – Московский отдел СОН должен ютиться здесь, на северной окраине Южного Бутова...

Уже выруливая из особняка, Муромцев подумал, что его ребята не первые, кто спасает королевские бриллианты. Очень давно французские мушкетеры успешно справились с этим делом. Но тогда пропали всего лишь подвески королевы, а тут – целая корона!

Катя Вайс волновалась, но не очень. А вот директор почти два часа был в трансе. Он тупо стоял перед тумбой и смотрел на стеклянный колпак, под которым краснел бархат с круглой вмятиной от короны.

Сначала Катюша пыталась расшевелить шефа словами. Типа – плюйте на все и берегите свое здоровье! Ничего, мол, страшного, что корона пропала – главное, что голова целая.

Слова на Мамлеева не действовали... Девушка начала трогать директора. Потом стала щекотать и обнимать.

Наконец она протиснулась между ним и тумбой, своим лицом заслоняя пустоту стеклянного футляра.

Его глаза оттаяли, когда он посмотрел снизу вверх и там увидел ее лик... Мужик сразу раскис, уткнулся в девичью грудь и заплакал.

Именно в этот интимный момент в парадный зал музея ворвался Муромцев со своей бригадой.

Вместе с ним сыщиков было четверо, включая оперработницу женского пола Ирину Багрову... При первой встрече Муромцев решил, что она похожа на рыжую Багиру. Правда, масть не совсем точная – на самом деле рыжинка в волосах Ирины Романовны была чуть заметна. А вот что-то от пантеры у нее действительно было. Гибкость тела, мягкость походки, а еще кошачья хитрость и полнейшее самодурство...

Я, мол, дикая пантера и гуляю сама по себе!

Еще в бригаде был Лев Кузькин – сорокапятилетний опер, проходивший под кличкой Зубр. Очень даже похож – такой же напор и широта взглядов.

Четвертый – криминалист по фамилии Хилькевич... Кто не знает, так это чисто белорусская фамилия!

Охрану в каминный зал не пустили. Эти коротко стриженные ребята оставались в холле, даже не зная, что за их спинами совершилась кража века...

Вадик Хилькевич начал действовать первым. Он бродил по залу и в подозрительных местах размахивал огромной мягкой кистью, опыляя поверхности и выявляя отпечатки.

Лев Кузькин сразу увлек научную сотрудницу Вайс в дальний угол. Он усадил девицу на низкий пуфик, навис над ней, как зубр над клевером и начал допрос.

Почти одновременно капитан Багрова утащила директора в другой угол... Все правильно! Так и договаривались, что при возможности мальчики допрашивают девочек и наоборот.

Муромцев сразу понял, что от этих допросов не будет никакого толка. Оба скажут, что вчера вечером корона была, а сегодня пришли – а ее и нет! Просто кошмар и тихий ужас... Это так, но допрашивать эту парочку все равно надо. Вдруг что-нибудь и припомнят...

Павел имел свою методику следствия. Он начинал осмотр

без спешки и паники, спокойно раскачивая свое воображение и представляя картинку преступления – как оно было на самом деле...

Вот у основания тумбы торчат провода, которые элементарно перекусаны. А это значит, что хреновая была сигнализация, если от кусачек она не сработала, а отключилась.

Тумба сделана из толстой фанеры и только на первый взгляд имеет неприступный вид... Вот здесь панель отогнули фомкой, просунули руку и изъяли царский головной убор.

Паша слишком сильно дернул за фанерку – она отлетела, а он сам завалился на спину, произнося невнятные междометия.

Но все оказалось не зря – на внутренней стороне оторванной панели виднелись яркие и сочные отпечатки. И не пальчиков, а целых ладоней.

– Подойди ко мне, Вадик! Вот, какие мы ловкие... Зафиксируй вот эту пятерню.

– Прелесть, какая ручка... Свеженький отпечаток, но осыпается на глазах. Это пыль какая-то... Точно, шеф – это зола. Это обычная печная сажа.

– Именно так, господин криминалист! Все просто, как в мыльной опере. Злодеи проникли сюда через трубу. Если заглянуть в тот камин, то в центре будет висеть веревка... Пусть понятые посмотрят.

Делая такие заявления, Муромцев очень рисковал. А вдруг бы преступники забрали веревку с собой – и померк

авторитет мудрого сыщика.

Понятых долго искать не пришлось – кроме Катерины и директора других гражданских лиц в зале не было.

Семену с его ростом было весьма удобно снизу заглянуть в жерло камина... Он и заглянул. А Вайс стояла рядом и держала любимого начальника, который постоянно выгибался, менял позы и выпячивал зад... Наконец он вылез, стряхнул с лысины лохмотья сажи и подтвердил:

– Точно! Висит там веревка. Прямо по центру трубы.

– А какая веревка?

– Толстая и грязная. Даже не веревка, а канат с узлами?

– Вроде пожарного шланга?

– Нет, потоньше. Средненький канат... Как два пальца.

Полковник Потемкин приехал к завершению разбора полетов. Он не опоздал, но и не пришел слишком рано – не надо мешать специалистам.

По довольным лицам Петр Петрович понял, что кое-какие результаты есть... На всякий случай начальник увел всех подальше от входной двери. Этим он подчеркнул секретность мероприятия – никто не должен знать о пропаже короны.

Пусть заграница думает, что в России нет воровства! Нет и точка!

Муромцев доложил обстановку, но как-то вяло... Злодеи влезли через трубу, перекусили сигнальный провод, вскрыли фомкой тумбу, взяли ценную вещь и ушли на крышу... Ясно,

как украли, но неизвестно кто.

– Так вот вы и установите преступников! Ты, Муромцев, не останавливайся на половине дороги. Ищи и не ленись! Лень – мать всех пороков!

– Этим и занимаемся, товарищ полковник. Изю всех сил ищем.

– Значит плохо ищите, раз пока не нашли... Сверху прошло указание – найти быстро. И чтоб никто об этом не знал. У нас в России ничего не пропадает...

– А если голландцы захотят свои цацки посмотреть? Начнем мы им лапшу вешать, и они сразу все поймут. Получится, как в той мыльной опере.

– Ты, Муромцев, не умничай. Здесь работают спецы не глупей тебя... Сегодня утром эти придворные летели из Питера в Москву. Так их по метеоусловиям загнали на Южный Урал. Сейчас им организуют охоту с оленями, потом рыбалку с самогоном, а в конце баню с бабами.

Скромный полковник взглянул на Катю с Ириной и покраснел.

– Я имел ввиду, что пьянство – мать всех пороков! Иностранцы будут заняты этим безобразием всю неделю... А вам, господин директор и мадам Вайс, вам придется посидеть под домашним арестом. В каком адресе – это вопрос. Тут головой думать надо... Вы где живете, Екатерина?

– В общежитии МГУ.

– А вы, господин Мамлеев?

– У меня хорошая квартира на Фрунзенской набережной.

– Жена есть?

– Нет.

– А дети.

– Откуда им взяться?

– Так вот, директор – забирайте свою сотрудницу и сидите в квартире тихо! Сидите до тех пор, пока все не рассосется.

При таком повороте событий Муромцев и Хилькевич переглянулись и понимающе улыбнулись. А простоватый Кузькин ехидно захихикал... И только рыжая Багира попыталась разрулить обстановку.

– Я думаю, товарищ полковник, что это не совсем верно. Нас учили, что нельзя свидетелей в одну камеру сажать... Тем более, что Екатерина может быть против.

– Нет! Я согласна... Мы с Семеном Петровичем недавно знакомы, но с ним так легко находить общий язык. А я готовлю очень вкусно. И шить умею, и вообще...

Уже в машине директор вдруг вспомнил об очень важном моменте.

– Товарищ Муромцев, а у меня в сейфе есть точная копия этой короны. Из стекляшек сделана, но на первый взгляд не отличить... Может быть ее положить на тумбу под колпак?

– Не надо! А вот с собой мы эту вещьцу возьмем. Надо хорошо знать, что за штуку мы ищем... Значит, будет у нас теперь бутафорская корона. Совсем, как в той мыльной опе-

pe!

Кузькин не страдал манией величия. Но за последние часы случилось такое, что он вполне мог бы возгордиться.

Пока они в музее ползали по каминным трубам, генерал Вершков не дремал. Он добился очень широких полномочий для группы Муромцева. Теперь простой опер Лев Кузькин мог опросить любого агента любой спецслужбы. Без ограничений и по первому требованию!

Лев Львович прямо из музея поехал в район Пушкинской площади. Здесь в самом людном месте Москвы ему выделили резервную явочную квартиру. Это было в переулке с видом на Малую Бронную. Вход прямо с улицы, а справа от двери невзрачная вывеска «Фирма Обервакс».

Понятно, что никакой такой фирмы не было вообще, но документы на нее были и даже с настоящими печатями... Полученным ключом Кузькин открыл дверь конторы и включил свет.

Фактически это была однокомнатная квартира, но старой планировки, когда всего много, а из кухни есть ход в тамбур и на черную лестницу, выходящую во внутренний проходной двор.

Здесь соблюден первый принцип конспирации – входить ты должен в одну дверь, а выходить в другую.

Второй принцип – стукачи должны видеть лишь своего

опера, а друг с другом не сталкиваться. Поэтому на одной квартире надо принимать информаторов осторожно, с большим разрывом по времени и не больше трех в день... Вот этот закон конспирации майор Кузькин вынужден сегодня нарушить. А что делать? Ситуация чрезвычайной важности. Он, возможно, спасает сейчас Россию от вселенского позора...

Первый ударный список агентов подбирал лично Вершков. А когда от него пытались скрыть важного человечка, генерал лихо козырял интересами страны и указаниями самой высокой личности.

В список вошли авторитетные урки, обитавшие в окрестностях музея. Здесь были и взломщики, и скупщики, и подпольные ювелиры в тонких очках.

Явочная квартира располагалась на первом этаже, и поэтому шторы наглухо закрывали ее от улицы... Обстановка в комнате совсем не была похожа на кабинет оперработника. Отсутствовал коричневый сейф с пластилиновой бляхой для печати. На мебели не мелькали жестяные овалы с инвентарными номерами. Не было видно бюстика или портрета железного Феликса.

Кабинет полностью соответствовал имиджу богатой фирмы «Обервакс»... Знать бы еще, чем она занимается.

Мебель в комнате была шведская, пальма в кадке искусственная, а яркие плакаты на стенах намекали на широкие

международные связи фирмы... Конспирация высшей марки!

Лев сел в директорское кресло и сразу ощутил его мягкую притягательную силу... Но вставать придется! Каждого агента придется встретить, проверить пароль и закрыть за ним входную дверь. А после беседы надо проводить гостя к черному ходу и опять-таки запереть дверь во внутренний дворик... Прямо не опер, а какой-то швейцар.

Первым в списке значился информатор под кличкой «Седой». Но ровно в три часа в дверь вошел жгучий брюнет с тонкими усиками на манер стилига из пятидесятых годов.

Кузькин нахохлился и стал выталкивать самозванца на улицу. С первого взгляда было видно, что чернявый парень не очень похож на седого. Но брюнет проявил настойчивость и поспешил спросить:

– Ваша фирма производит шурупы?

– Да, и гвозди тоже.

Пароль был абсолютно верный и Кузькин отступил назад.

А «Седой» оказался весьма нахальным типом. Пока Лев запирает входную дверь, он прошел в необъятный кабинет как хозяин. Прошел к шкафам вдоль стены и открыл ту часть, где могло стоять спиртное... И оно действительно там стояло!

– Вам налить, начальник?

– Вы что себе позволяете, Седой? Это просто тихий

ужас... Поймите, что у нас с вами дело государственной важности. Дело срочное и очень сложное.

– Понятно... Тогда действительно, много пить нельзя. А по пятьдесят грамм – очень даже можно... Вы, начальник, коньячок уважаете?

Кузькин даже задохнулся от такого нахальства. И пока он восстанавливал дыхание Седой плеснул в коньячные бокалы ароматную жидкость... Налил и элегантно толкнул один из фужеров в сторону майора. А на гладком столе сосуд скользил, как новичок на льду – дрожа и собираясь упасть.

И Лев Львович просто вынужден был схватить бокал. А после этого совсем глупо ставить его на место.

– Ладно, Седой! Выпьем за успех нашего дела... Вот ты не слышал, что вчера ночью в твоём районе крупная кража случилась?

– И что взяли?

– Неважно, Седой!

– Очень важно, начальник... Если все подчистую несли – одни люди. Если на шубы и тряпки нацелились – другие. А если из квартиры мундир с орденами взяли – совсем третьи.

– Тут ты прав, Седой. Нет в мире порядка... Но шубы тут не при делах. Ограбили государственную контору. Некую секретную вещь увели через каминную трубу.

– Значит музей грабанаули... Это не тот ли, что в Хрюковом переулке? Я слышал, начальник, что иностранцы туда свою выставку привезли. А вместе с ней и корону Елизаवे-

ты, так?

– Нет, не так! Это совсем в другом месте! Даже думать забудь про Хрюков переулоч... Просто украли ценную вещь, в которой много блестящих камушков.

– Пять брюлликов?

– Больше.

– Десять?

– Еще больше...

– Значит, все-таки корону увели! Угадал, начальник? И не волнуйся ты так. Я свой – трепать не буду. Мне самому за Державу обидно... Не представляю, кто мог это сделать. Надо подумать.

– Думай скорей, Седой.

– Скоро не получается... Давай, начальник, мы еще по пятьдесят нальем?

– Нет! Никаких пятидесяти... Максимум можно по сорок грамм. И возьми там конфетки на верхней полке. Пить без закуски – это тихий ужас...

Муромцеву показалось, что все ювелиры живут в районе Арбата. Медом там для них, что ли намазано?

Паше удалось созвониться лишь с тремя знатоками драгоценностей. Но это были зубры в полном смысле слова. Просто академики в своей области. И все – специалисты по старинным бриллиантам крупных размеров... Если злодеи решат размонтировать корону, то им есть прямой резон обратиться именно к этим ювелирам. К ним или к их ученикам...

По роду службы Павлу приходилось бывать в роскошных квартирах. Красиво живут гады. Как в мыльных операх!.. И когда вокруг такой блестящий гламур, то человек должен завидовать богатству и ощущать свое ничтожество... Но это средний человек. А Муромцева всякие понты не трогали.

Часто было даже наоборот – Паша жалел богатеньких. Он видел, что счастье никогда не приходит вместе с золотыми унитазами...

Дверь ему открыла прислуга – сорокалетняя женщина в коричневом платье и белом фартуке. Если бы не возраст, то это типичная старшеклассница из шестидесятых годов. И не из простой семьи – из богатой, поскольку бретельки на фартуке в рюшках и оборочках, а воротничок на платье кружевной.

Горничная поклонилась и протянула маленький овальный подносик. И, главное – пустой! Даже без рюмки водки.

Но не зря Паша специально изучал причуды новых русских. Он очень небрежно бросил на блестящую селедочницу свою визитную карточку... Понятно, что в кусочке картона была сплошная липа. Про СОН там не упоминалось ни сном, ни духом. В этой карточке Муромцев числился сотрудником Кремлевской Администрации, консультантом по безопасности.

Гувернантка на визитку не взглянула, а, держа подносик перед грудью, плавно поплыла в глубину барских коридоров... Ну, прямо мыльная опера!

Мадам вернулась через минуту и жестом позвала за собой...

Кабинет Аркадия Борисовича Бобрика должен был ошарашить любого. Ювелир не был скрягой. Свое богатство он держал не только в бабках, а и в антикварных вещах... Огромный кабинет украшали картины в золотых рамах, бронзовые всадники метровой высоты, резная мебель от разных Людовиков и всякое такое прочее... Ярко, дорого и аляповато.

При появлении Муромцева ювелир Бобрик чуть привстал и рукой указал на место за приставным столиком... Ювелир не вышел навстречу, не улыбнулся во весь рот, не сел рядом на равнозначное кресло. Он давал понять, что уважает гостя, но считает его статус ниже своего.

– Что привело вас ко мне, Павел Ильич? Я очень дружу с Администрацией Кремля. Вы в каком отделе служите?

– В секретном... Аркадий Борисович, вам в последнее время не предлагали купить изделие с сотней бриллиантов?

– Понятно! Значит, ее все-таки украли?

– Кого?

– Корону Елизаветы! Я был против ее размещения в этом затрапезном музее. Не послушались меня и доигрались! Я немедленно обзвоню своих коллег, а они распространят информацию дальше. И уверяю, что ни один российский ювелир не посягнет на святыню... Я так волнуюсь. Вы не против, если мы тяпнем коньячку по пятьдесят грамм?

– Я не против... Только обзванивать никого не надо. Будем искать реликвию, но делать вид, что ничего не произошло.

– Понял... Тогда я налью по сто пятьдесят!

Он был одет во все черное – от бейсболки и до подошвы кроссовок. Такой цвет очень подходил к его кликухе – в своих кругах его знали как Трубочиста.

У него была уникальная масть – он воровал только через печные трубы.

Хорошо жить тем, которые барсеточники. Эти сумочки в каждой машине лежат без присмотра... Хорошо форточникам – в старой Москве таких окошек тьма тьмущая... А как быть трубочистам? Очень трудно работать в городе с центральным отоплением. Все трубы наперечет...

Человек в черном вышел из метро Фрунзенская и сразу свернул налево. Впереди была длинная и узкая улочка по имени какого-то Хользунова... По правую руку тянулись казармы времен Николая Первого. А напротив длиннющий и красивый забор, за которым парк столетней давности.

Первый раз Трубочист остановился за фургоном, в котором продавали ароматную колбасу и прочие сосиски.

Он проверялся. Он запоминал всех, кто шел за ним... Было уже темно и чернорубашечник стал почти не виден на фоне забора. А когда он юркнул в парк, так и вообще слился с природой. Только не надо было попадать под свет редких фонарей.

Стоя за огромным вязом, Трубочист отследил всех, кто

вслед за ним вошел за ограду парка. Среди них не было ни одного, кого он видел ранее, там – за колбасным фургоном.

А это значит, что хвоста за ним нет! И рогов у него нет, и крылышек нет... Не черт, и не ангел. А так – серединка на половинку. Нормальный вор-трубочист и вообще хороший мальчик.

Он улыбнулся приятным мыслям. А еще было радостно, что через четверть часа он получит сорок американских кусков... А работы в том драном музее было всего на час. Они с Гусаком даже устать не успели. Только вот сажи было слишком много – до сих пор не отмылись...

Трубочист пробрался на соседнюю аллею, за которой блеснул водоем неопределенной формы.

Вот она та скамейка, где заказчик выдал ему аванс... Теперь пришло время получить всю сумму.

Человек в черном ни разу не вышел из тени. И на всякий случай он в последний момент припрятал корону в укромном месте... Маленькая детская карусель стояла скособо-ченая, и тяжелая обувная коробка уютно легла под гнилые доски.

Клиент пришел с боем курантов. Прямо, как вежливый король... Сам Трубочист ненавидел такую точность. Человек – не будильник, в конце концов!

Они сидели на разных краях лавки и в этот момент выглядели весьма странно. Ночью в детском парке притаились

два мужика. И при этом – не пьют и не курят.

Заказчик заговорил первым.

– Вы сделали дело?

– Все в полном ажуре!

– Принесли вещь?

– А то как же!

– Покажите.

– Дудки! Сначала бабки! Где зелененькие?

– Со мной. Вот они.

Заказчик смело открыл свой кейс и посветил зажигалкой – никаких вещей, и лишь четыре пачки долларов в банковской упаковке.

Трубочист вытащил одну купюру. В полумраке трудно было разглядеть картинку. Он помял бумажку, прислушиваясь к ее хрусту, а потом понюхал денежку и зачем-то лизнул... Похоже, что не фальшивая.

– Порядок! Я готов обменять народную святыню на твои вонючие доллары... Вещь в пяти метрах от нас.

– Отлично! И еще одна просьба... Это все я делаю не для себя. И нам нужна полная секретность. Мы готовы заплатить в два раза больше, если вы на год ляжете на дно.

– Это как это?

– Лучший способ – совершить мелкую кражу и годик отсидеть в уютной колонии.

– Я так понял, Олег Петрович, что через год отсидки я прихожу к тебе и получаю еще сорок кусков. Так?

– Да.

– Так на это я согласен. Вот завтра пристрою денежки и сразу сяду.

– Отлично! И не бойтесь – я не обману.

– А что мне бояться? Я твой особняк на Киевской дороге знаю. И никуда ты от меня не денешься, Олег Петрович... Пойдем совершать обмен. Вот даже жалко отдавать – очень блестящая вещь. Я днем на нее глянул и прямо зажмурился. Сверкает, как казино Рояль...

Ирочка Багрова до позднего вечера не покидала коттедж на окраине Южного Бутова. Этот особняк для конспирации имел много имен, но тем, кто в нем работал, нравилось – вилла «Икар».

Это название придумал лично Потемкин. Он даже постарался приклеить сюда политическую основу. Мол, мы тоже летим к солнцу, хотя наши крылья самодельные, а перья держаться на воске.

Кроме Ирины на вилле оставался и Вадик Хилькевич. Работать ему не очень хотелось, но он не мог оставить девушку одну. Не мог и не хотел... Он сидел в ее кабинете и печально смотрел, как Багрова насилует компьютер, выжимая из него возможное и невозможное.

– Ты только посмотри, Вадик! За последние десять лет в Москве всего два десятка краж через печные трубы.

– И через каминные.

– Да, и через каминные... И все они как-то вокруг одного места жмутся. Все пути ведут в Хамовники. Если предположить, что в Москве один специалист по печным трубам...

– И по каминным!

– Ты прав, Вадик – и по каминным... Так если он один, то живет этот вор где-то здесь... Не люблю я нехороших лю-

дей! Ты же, Хилькевич, очень умный. Подскажи, как поймавать этого гада.

– Тут, Ирочка, надо пораскинуть мозгами... Я помню, по сводке проходило, что на Плющихе есть трактир под названием «Три тополя». Так вот там собирается всякая шушера. Всякие урки и чурки. Одним словом – тусовка мелкого криминала. Если твой Печник из Хамовников, то там его должны знать.

– Интересно, Вадик... А зачем они все в одном месте собираются? Ведь понимают, что их так легче контролировать.

– Большинство ничего не понимают! Нет предела человеческой глупости! А те, кто понимают – тоже не могут удержаться. Их тянет общаться в своем кругу. Это, как Дом ученых или Дом журналиста.

– А нас туда пустят?

– Я думаю, Ирочка, что членских билетов там нет. А вот фейс-контроль очень даже может быть... Ну, у меня физиономия вполне подходящая. А тебя я чуть загримирую – добавлю стервозности и убегу налет интеллекта.

Хилькевич долго работал над лицом Багровой. Разве мог он в обычной жизни вот так нахально дотрагиваться до ее носика, мять щеки, гладить шею... Не мог! Но всегда очень хотелось. Однажды у него даже закружилась голова, когда он представил, как своими губами прикасается к ее губам.

Для своего возраста Вадик был излишне скромным. Не

езде и не всегда! В служебных вопросах мог ругаться и упираться рогом. Но когда дело касалось женщин и его личной жизни, он робел, как старшеклассник в спортзале.

За последнее время Багрова стала для бедного криминалиста некой Дамой Сердца. Он старался не смотреть в ее сторону, а в свободные минутки про себя повторял ее имя в разных вариациях: Ира, Иринка, Иришка, Ирочка, Ирунчик...

Трактир «Три тополя» располагался в полуподвале. Из окон не неслись звуки «Мурки» и других блатных хитов. В округе было тихо, как ночью над Днепром. Никаких пьяных драк и подозрительных личностей не было замечено.

Внутри заведения атмосфера была похуже – табачный дым стоял коромыслом и над столами нависал гул пьяных голосов.

Ни у Ирины, ни у Хилькевича не было никакого плана действий. Им казалось, что они зайдут в кабак и спросят: «Кто знает мужика, который грабит музеи через каминные трубы?» И все встанут и укажут пальцем на негодяя, сидящего в углу...

Здесь, в мрачноватом полуподвале задавать такие вопросы расхотелось... Багрова набрала побольше воздуха и двинулась в центр зала. В самом начале ей даже пришлось тащить Вадима за собой.

Стол в трактире были мощные и большие – на шесть-восемь человек. А посему все было занято и с трудом уда-

лось подсесть к одной уже тепленькой компании... Никогда не знаешь, когда тебе повезет, а когда наоборот!

Криминальный квартет отмечал день рождения лопоухого парня, больше похожего на аспиранта или лаборанта. При тостах в его честь именинник краснел и хлопал глазками... Появление за столом Вадима с Багирой совсем не смутило компанию. Они продолжали пить за своего фартового кореша, перед которым открываются все двери и с помощью которого друзья облегчают квартиры лохов и фразеров.

Вскоре братки стали менее бодрыми и вяло травили соленные байки... Одна из историй попала точно в цвет. Ирина делала вид, что не слушает, а уши сами тянулись в сторону говорившего.

– Скажи, Шурик, ты Трубача знаешь?

– Ну...

– Слышал, что он со мной в одном доме живет?

– Ну...

– Хочешь про него хохму расскажу?

– Ну...

– Сегодня утром моя Валька встретила его бабу. Так вот та рассказала, как ночью встретила Трубача скалкой по башке. Мужик явился грязный, как черт, и дура-баба решила, что он соседку на чердаке пользовал... Ты, Шурик, еще не понял юмора?

– Не...

– Оказалось, что соседка три дня, как в деревню уехала.

А Трубочист весь в саже потому, что на дело ходил.
– Понятно... А кого он тогда на чердаке трахал?
– Никого! Трубочист вообще не был на чердаке.
– А где он тогда сажу взял?
– Где, где... В трубе!

Хилькевич заказал какие-то закуски, но когда их принесли, то соседняя компания начала расходиться. А их нельзя было упускать! Особенно того, кто рассказывал Шурику про Трубочиста... Они живут в одном доме!

Как нормальный криминалист, Вадим всегда ходил в джинсовом жилете. В таком, у которого тридцать семь карманов – пять на липучках, а остальные на молниях... Это неподражаемая вещь! Если ты запомнил, что в каком кармане, то можно справиться с любой проблемой.

Багира рванулась за соседями, которые неторопливо продвигались к выходу, шатаясь от стола к столу. При этом им удавалось сохранять гордую осанку... Глядя им вслед, Хилькевич из одного кармашка вынул прозрачные пакетики, а из другого карманчика – горсть разноцветных резинок.

Из хлеба, огурцов и принесенного мясного ассорти Вадик быстро монтировал бутерброды, запихивал их в пакетики и стягивал резинками. Одновременно он над головой размахивал свободной рукой, призывая официанта...

Ирину он догнал в ста метрах от ресторана... А мог бы и не догнать! Вадика просто повезло – по непонятной при-

чине Шурик завалился на газон и не хотел вставать. Трое его спутников пытались поднять тело, активно помогая себе ненормативной лексикой. Проще говоря – матерились во всю Ивановскую!

Шурика провожали очень долго. Он вел себя неадекватно, и друзья с трудом наставляли его на путь истинный. На путь, который вел к дому.

Потом трое оставшихся решили проводить лопоухого «аспиранта», поскольку тот был сегодня виновником торжества.

Двое последних долго не хотели расходиться, а Ирине с Вадимом пришлось притаиться за мусорными баками и отслеживать прощальные поцелуи сентиментальных братков.

Потом тот, который рассказывал про Трубочиста, поплелся назад и вошел в подъезд дома, соседнего с трактиром «Три тополя»... Если он не трепался, то именно в этом доме живет человек, который прошлой ночью ходил на дело, вернулся весь в саже и получил от жены скалкой по башке... Таких совпадений быть не может! Если не Трубочист грабнул корону, то в мире вообще нет логики!

Не было смысла сторожить неизвестного вора у его дома. Все решится завтра. Утром Хилькевич установит злодея, днем его захватит группа мосонов, а вечером на допросах он расколется и выдаст корону.

Выруливая с Плющихи, Вадик вдруг вспомнил старую пе-

сенку Высоцкого о шахматном матче с Фишером. Вспомнил
и один куплет пропел в полный голос:

Ох, мы, крепкие орешки!

Мы корону привезем.

Спать ложимся – вроде пешки.

Ну, а просыпаемся ферзем!

Паша Муромцев был удивлен, но только третий ювелир оказался евреем. И именно он жил не в роскоши, а в скромной квартире на Композиторской улице – это задворки между Новым Арбатом и просто Арбатом.

Михаил Соломонович выглядел, как совершенно одинокий старик. И это несмотря на известную всемирно известную фамилию Абрамович... Очевидно, ювелир был не из тех Абрамовичей.

Из кухни тянуло запахом жареной рыбы, чесноком и еще чем-то приятным и очень домашним... Сам Михаил Соломонович был в очень уютных штанах на подтяжках и в распахнутой полосатой рубашке. Естественно, что из этой одежды выпирал солидный животик и хилая грудь с рыжим чубчиком в самом центре.

– Вы простите, уважаемый, что я в таком пляжном виде. Но на кухне так жарко, как на Лонжероне после обеда.

– Где, простите?

– На Лонжероне. Это шикарный одесский пляж. Это лучшее в мире место... Вы, молодой человек, бывали в Одессе?

– Нет, Михаил Соломонович, не приходилось.

– Несчастный человек! Если так, то вы очень много в жизни потеряли. Я считаю, всю землю можно делить на два места – Одесса и все остальное. И все знают, что в Одессе жить

хорошо, а в других местах можно, но с переменным успехом... Пойдемте на кухню. Я уже поджарил скумбрию, а сейчас готовлю икру из синеньких.

– Из чего?

– Из баклажан, молодой человек... Я понимаю, этот овощ имеет фиолетовый цвет. Но в Одессе их упорно называют синенькими... А вы жили когда-нибудь в коммунальной квартире?

– Нет, Михаил Соломонович. Не пришлось.

– Жаль... Значит вы не представляете себе огромный коридор, где на стенах висит все, что может висеть. И двери по обе стороны – десять справа и десять слева. А вдоль стен столы, а на них примусы, на которых сковородки со скумбрией. Все это шкварчит и чадит. Хозяйки стоят спина к спине и обсуждают друг друга открытым текстом... Пойдемте на кухню, молодой человек. Я вас научу, как делать икру из синеньких.

Еще долго Муромцев не мог начать деловую беседу... Наконец они сели за стол. Перед этим Абрамович вытащил из холодильника бутылку с мутной жидкостью. Оказалось, что это настоящий абрикосовый самогон с запахом миндальной косточки. Подарок из Одессы!

От первой рюмки сразу пахнуло горячими мостовыми Де-рибасовской, приморским парком и вообще – стало хорошо! У Муромцева проскочило сомнение, а туда ли он попал...

Нормальный ювелир в таком почтенном возрасте должен жить богато. А этот бывший одессит не очень похож на Ротшильда... Правда, бывших одесситов не бывает! Михаил Соломонович родился прямо в квартире на улице Розы Люксембург. И сейчас ему все чаще хотелось впасть в детство – ощутить беззаботное блаженство и все, что с этим связано. Все – обстановку квартиры-муравейника, яркую мелодичную перебранку, звон и скрежет трамвая за окном и все запахи, включая чадающий примус, жареную скумбрию и чеснок в икре из синеньких...

Абрамович оказался не менее сообразителен, чем остальные ювелиры. Он слышал о прибытии короны Елизаветы и сразу понял о чем идет речь.

– Я вам так скажу, молодой человек, ювелиры к этой краже руки не прикладывали. После истории с Эрмитажем все стали пугливы, как портовые крысы... Мы иногда нарушаем закон, но это, когда по маленькому. А так – все ювелиры трусы, и по большому не ходят!

– А кто мог заказать это похищение?

– Ищите среди новой элиты. Это стая непуганых жуликов. Они воруют без совести и без предела... Я их так и называю – бессовестные беспредельщики.

– А кого вы, Михаил Соломонович, имеете ввиду конкретно?

– Я их всех имел ввиду! Тех, кто вдруг разбогател на пустом месте... Всех – от министров и депутатов до футболи-

ста из Лондона... Если вы не поняли, Паша, так я намекаю на своего однофамильца.

Для Кузькина самой результативной была встреча с восьмым агентом.

Солидный человек в толстых очках напоминал бухгалтера из прежних времен или инженера из заштатного НИИ.

На самом деле агент «Химик» был подпольным антикваром и немножко – скупщиком краденых ценностей... К химии он, понятное дело, не имел никакого отношения. А псевдоним ему придумал опер, который завербовал его двадцать лет назад. Возможно, что майор был поклонником одноименной хоккейной команды. Но, скорее всего так – в те годы шустрый молодой антиквар так ловко жульничал, так химичил, что и назвать его иначе было невозможно.

Если Химик и сообразил, что речь идет об украденной короне, то вида он не подал совершенно. Да и Лев умело уводил его в сторону камина.

– Ты хорошо подумай, Химик... Мне нужен человек, который ночью лезет в чужую печную трубу. Там крадет что-то антикварное и возвращается весь в пепле и саже.

– Страшная картина!

– Просто тихий ужас... Так ты знаешь такого человека?

– Боюсь соврать, но что-то такое слышал.

– Вспоминай, Химик! А я похлопочу о большой премии.

– Деньги мне не нужны. Деньги – бумажки! А мне славы

хочется... Наградите меня орденом.

– Сложно нынче с орденами! Просто тихий ужас... А медаль ты, Химик, не желаешь? Скажем – «За отвагу».

– Понятно! Я не гордый, я согласен на медаль... Человека этого я видел мельком. И то – со спины. Мне на него Ося Шнейдер указал и сообщил, что это спец по дымоходам. И кликуху его назвал – или Печник, или Трубочист... А еще Ося сказал, что этот тип живет в Хамовниках. Все!

– Молодец, Химик!.. А пусть твой Шнейдер подробности выдаст. Едем к нему немедленно!

– Далековато будет, Лев Львович. Ося год назад в Израиль уехал и адреса не оставил... Нет, мы можем поехать и поискать его там.

– Не надо... Особые приметы у него были?

– У Оси?

– На хрен мне теперь твой Ося? Я о Трубочисте говорю!

– Понятно! Особые приметы у него были – он был весь в черном.

– Почему.

– Я думаю, Лев Львович, что в белом костюме неудобно в трубу спускаться. Можно испачкаться... И не забудьте – вы мне медаль обещали!

Первую ночь они спали в разных комнатах... Катя знала, что робких мужчин нельзя пугать близостью. Даже соблазненный, он может сбежать на следующее утро. Таких, как Мамлеев можно брать только хитростью.

Понятно, что для Вайс директор был не столько мужчиной, сколько стартовой площадкой. Не век же ей жить в общежитии! А вот квартира на Фрунзенской набережной была действительно хороша...

Екатерина выбрала себе дальнюю комнату с большой кроватью и с видом на Москву-реку... Квартира располагалась на верхнем этаже и девушка позволила себе выйти на балкон в ночной рубашке.

Она держалась за перила и гордо вглядывалась в панораму... Справа Воробьевы горы и Нескучный сад. Впереди – просторная река, а за ней культурный парк с каруселями и фонтаном для десантников. Слева красивый Крымский мост, высоченный Петр и что-то от собора и кремлевских башен...

Да, за такую квартиру стоит повоевать!

Катя вошла в комнату и, стоя перед зеркалом, начала переодеваться... Однако, она хороша! Все на своих местах. Не сможет этот рохля устоять. В этом деле нельзя торопиться, но и медлить нехорошо – всего неделя впереди... Она вспом-

нила, как за секунды до обнаружения пропажи короны директор прихватил ее за талию. И даже чуть пониже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.